

Александр Кравченко

Байкальский государственный университет экономики и права

ЗНАЧЕНИЕ И КОММУНИКАЦИЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА И КОРНИ ЕЕ НЕПОНИМАНИЯ

Key words: written language bias, code model, “container” metaphor, orientational effect, reciprocal causality

1. Проблема с кодовой моделью

В современной науке о языке, разделяющей традиционные установки лингвистики так называемого „главного направления”, коммуникация продолжает рассматриваться как обмен закодированной информацией (значениями); тем самым сохраняется порочная по своим основаниям методология [Кравченко 2006], не позволяющая рассчитывать на достижение новых результатов как в теории, так и в практике изучения языка и коммуникации. Несмотря на появление в конце 20 в. и плодотворное развитие альтернативных теорий коммуникации [Grice 1989; Schiffrin 1994; Wilson 1994], когда дело доходит до научного исследования языка, мы, по выражению Д. Уилсон, „по-прежнему находимся во власти кодовой модели” [Wilson 1998].

Если уж и придерживаться традиционного взгляда на коммуникацию как обмен информацией, надо признать, что такой обмен возможен не только и исключительно посредством языка, но и другими способами, включая различные телесные проявления – такие, как неязыковые акустические феномены (смех, плач, крик и т. п.), жесты, лицезвая мимика, запахи и т. д., которые вряд ли можно назвать кодовыми знаками. При отождествлении функции языка с коммуникацией упускается из виду очень важное обстоятельство: коммуникация как область когнитивных взаимодействий организмов лежит в основе языкового поведения, но она им не исчерпывается. Эта довольно тривиальная истина обычно не ставится под сомнение, что вполне понятно, ибо в противном случае неизбежным был бы следующий вывод: кроме вида *homo sapiens* ни один другой

биологический вид не способен к коммуникации. Однако каждый раз, когда заходит речь о функции языка, происходит незаметная метаморфоза, и **коммуникация** отождествляется с **языком**: „Язык, как он функционирует в литературе или в науке, является инструментом мышления и обмена мыслями” [Malinowski 1927: 297]. Такое понимание функции языка преобладает в лингвистической литературе. Например, солидный труд А. Вежбицкой начинается так: „Язык – это инструмент для передачи значений” [Wierzbicka 1996: 3]. Однако, как подчеркивал А.В. Звегинцев,

сводить изучение языка к рассмотрению его лишь как средства, с помощью которого осуществляется общение или мышление, это значит заведомо суживать поле своего исследования и отказаться от познания подлинной природы языка во всей его полноте [Звегинцев 1996: 50].

Языковое поведение (то, что в структурализме принято называть „речевой деятельностью”) – это лишь один из аспектов системы человеческих взаимодействий, которые могут описываться как виды коммуникации в смысле „совместной деятельности”, хотя бы даже и самый значимый благодаря способности оказывать **ориентирующее** воздействие на участников коммуникации. Совместная деятельность вовсе не подразумевает использование для этой цели языка как обязательного и неперемного условия – хотя, конечно же, языковая деятельность есть наиболее яркий и типичный вид совместной деятельности людей, и мы не сможем понять особенностей использования языка человеком, если не будем рассматривать такое использование „как построенные на деятельности индивидов совместные действия” [Clark 1996: 4], как „социальное и практическое действие” [Sinha 1999: 232] в общем контексте множественных способов установления связи между людьми [Finnegan 2002]. Вот что говорит Д. Спербер о коммуникативной функции языка: „Старая история о том, что «мы общаемся благодаря общему языку», хороша и проста. Она могла бы быть прекрасным объяснением, если бы только соответствовала действительности” [Sperber 1995: 192].

Общим местом в институционализированном лингвистическом дискурсе являются утверждения о том, что язык представляет собой код, в котором каждый знак выражает определенное значение, что значения языковых знаков заданы заранее и могут быть определены и описаны как некие абстрактные инварианты, к которым люди обращаются в процессе коммуникации по мере надобности, комбинируя их тем или иным образом с целью получить обладающие значением выражения (показательна в этом отношении теория семантических примитивов А. Вежбицкой). Эти „две догмы объективирующей семантики”, как их называет К. Синха [Sinha 1999] (догма об автономности и догма о композиционности языкового значения), задают онтологическую модель коммуникации как процесса передачи значений. Такой взгляд на суть коммуникации можно проиллюстрировать следующим отрывком из книги С. Пинкера *Слова и правила*:

Язык, несомненно, выражает значение в звуковой форме, но это не простой процесс. Предложения составляются на конвейере, состоящем из ментальных модулей... Один из них – это хранилище запомненных слов, ментальный лексикон. Другой – собрание правил, которые соединяют слова и части слов в еще большие слова, компонент, называемый *морфологией*. Третий – это собрание правил, которые соединяют слова во фразы и предложения, компонент, называемый *синтаксисом*. Эти три компонента обмениваются сообщениями о значении с остальным сознанием с тем, чтобы слова соответствовали тому, что хочет сказать говорящий. Этот интерфейс между языком и сознанием называется *семантикой* [Pinker 1999: 22].

Картина, нарисованная Пинкером, напоминает детали конструктора „Лего”, незамысловатая форма которых дает возможность соединять их определенным образом (конечно же, методом проб и ошибок, „обмениваясь сообщениями о значении”) во все более крупные блоки, пока – *voilà!* – у ребенка не получится что-то, похожее на дом, машину или еще что-то, то есть, нечто, **имеющее значение**. Сами по себе детали конструктора не имеют другого значения, кроме как быть соединенными друг с другом по определенному принципу; зато картинки, приложенные к конструктору, можно рассматривать как „значения” (или „мысли”), которые можно „выразить” с помощью набора деталей. В случае с конструктором „Лего” и детали, и „значения” даны заранее, будучи аккуратно уложенными в коробке – пока пользователь ее не открыл и не начал „выражать значения”, соединяя детали вместе. Именно такую картину языка рисует ортодоксальная лингвистика, настаивая на том, что значения находятся в голове, в „хранилище ментального лексикона”, который состоит из слов и „частей слов”, и что есть некое „собрание правил” их соединения в предложения – и все это происходит в „ящике сознания”. После того, как значения (находящиеся в сознании символы) „собраны” соответствующим образом владельцем этого самого сознания, они „выражаются в звуковых формах”, переносящих значения другим пользователям языка (участникам коммуникации) в их „ящики сознания”. Эта модель коммуникации, основанная на метафоре „канала связи” [Reddy 1979], получила самое широкое распространение в исследованиях дискурса и коммуникации главного направления. Она рисует коммуникацию как обмен (закодированной) информацией (значениями, мыслями, мыслительным содержанием и т. п.), который Рой Харрис [Harris 1981] саркастически называет **телементацией**.

Существует одно важное различие между конструктором „Лего” и человеческим языком, из-за которого аналогия между ними становится невозможной. Тогда как в конструкторе и „значения”, и детальки для их „выражения” представляют собой **материальные воспринимаемые вещи**, в кодовой модели языка значения **отделены** от акустических явлений (физических слов), они существуют априорно как „ментальный лексикон” [Aitchison 1987] и становятся доступны восприятию только через звучащее (физическое) слово. При таком подходе, как отмечает М. Олексий, коммуникативное событие рассматривается как „двухполюсное речевое событие,

состоящее из двух бинарных отношений; одно – между концептуализацией и вокализацией, а другое – в обратном направлении” [Oleksy 2002: 59]. Однако, продолжает он, дело не обстоит таким образом, как будто бы один говорящий закодировал выражение и оставил его висеть в воздухе, где другой говорящий может его подобрать и начать декодировать:

Представление о коммуникативном акте как о конъюнкции двух бинарных отношений подобна представлению о том, что акт дарения кому-то подарка состоит в том, что один человек оставляет где-то предмет, а другой его там подбирает. Однако акт дарения кому-то подарка – который может быть реализован бесчисленным количеством способов (необязательно связанных с материальным предметом и в еще меньшей степени с физической передачей) – является, по сути, передачей права обладания. Подобный концептуальный анализ привел когда-то Пирса к выводу о том, что семиотический акт, и социальный акт вообще, не может быть сведен к какой бы то ни было совокупности бинарных (диадных) отношений того или иного типа [Oleksy 2002: 59].

В своем интервью, данном известному итальянскому философу А. Питаси, основатель радикального конструктивизма Эрнст фон Глазерсфельд говорил:

...Для меня... коммуникация это термин, вводящий, в некотором роде, в заблуждение, потому что он наводит людей на мысль о том, что когда мы сообщаем что-то, это что-то находится в моей голове, и я вкладываю его в некий формальный код, а вы затем этот код расшифровываете, и у вас в голове оказывается то же самое значение, что и у меня. Я считаю такой взгляд на коммуникацию несостоятельным [Glaserfeld 2001].

Примерно в таком же духе Д. Росс и Д. Спуррет отмечают:

Бесспорно, народная интуиция, что сложные структуры сделаны из „маленьких штучек”, и что процессы заключаются в соединении этих маленьких штучек, чрезвычайно сильна. Однако, это не наука [Ross, Spurrett 2004: 643].

2. Проблема с „контейнерной” метафорой

После блестящих работ Л.С. Выготского (см., напр., [Выготский 1962]) идею о том, что значение есть некое идеальное содержание языковых знаков – отличительный признак картезианской лингвистики – вряд ли можно воспринимать как адекватную. Мысль Выготского состояла в том, что целое (сумма) больше, чем его составные части; тем самым, он шел дальше идей Декарта и Лейбница. Однако его подход часто истолковывали неточно, особенно при попытках разрешить проблему значения и смысла вне рамок единого целого, роль которого он неустанно подчеркивал. Для Выготского смысл рассмотрения значения слова в качестве единицы анализа заключался в том, чтобы изучать отношение **между мышлением и языком** под таким углом зрения, который

позволил бы сохранить значение целого. При таком подходе динамическая связь мысли со значением слова может быть понята с применением функционального анализа и рассмотрением роли значений слов в мыслительном процессе. Другими словами, Выготский полагал – возможно, не утверждая этого явно – то, с чем сегодня соглашаются многие когнитивные лингвисты, а именно, что значения не содержатся в словах (см., напр., [Gauker 2003]). „Единое целое”, о котором он говорил, нельзя понимать как комбинаторный результат соединения звуковой формы (физического слова) и идеального содержания в виде значения: будь это так, мы не могли бы говорить о сколько-нибудь существенной роли, которую значение слова играет в мыслительном процессе. По большому счету, „контейнерная” метафора, с которой лингвистическая семантика не может или не хочет расстаться, делает всякое продуктивное обсуждение проблемы значения бессмысленной.

Источник „контейнерной” метафоры в лингвистической семантике можно легко проследить к письменной языковой предвзятости лингвистики [Линелл 2009], к тем временам, когда лингвистика начала оформляться как наука. Она начала с того, что сфокусировала внимание на анализе (интерпретации) текстов, состоящих из письменных языковых знаков, которые, якобы, репрезентируют естественный разговорный язык. Нетрудно представить, как первый наивный лингвист поддавался искушению рассматривать графические знаки на бумаге (или другом материале) как „предметы”, как нечто, „содержащее” чьи-то мысли, которые он „извлекал” в процессе чтения („декодирования”) – забывая при этом, что прежде чем он научился читать, его научили распознавать специфические графические изображения как знаки, репрезентирующие – при этом зачастую абсолютно произвольно – отдельные звуки и их сочетания, из которых, собственно, и состоят физические слова естественного языка. Как отмечает Н. Лав [2004/2006], в то время как письмо подразумевает использование конечного набора графических единиц, которые именно в таком качестве и заучиваются, обучение речи не требует предварительного заучивания конечного набора звуковых единиц, которые затем выстраиваются в цепочки для образования высказываний. Важно подчеркнуть, что, воспринимая на слух чью-то речь, мы не вступаем в процесс соотнесения определенных звуковых последовательностей (акустических слов) со „значениями”, имеющий целью „распознать” мысли говорящего; принимая на себя роль говорящего, мы также сначала не „думаем мысли”, ища затем подходящие звуковые структуры для их выражения. Думать, что именно так обстоит дело в естественной языковой коммуникации, равнозначно признанию того, что где-то существуют отдельные хранилища для языковых форм (слов) и для значений (например, в сознании, как считают адепты компьютерной модели сознания). Эти формы и значения, якобы, сочетаются друг с другом в соответствии с определенным набором правил (грамматикой), из чего следует, что язык это код. Будь это так, не было бы никакого смысла говорить о проблеме понимания, возникающей в процессе языковой коммуникации – но всем нам очень хорошо известно, каким долгим

и болезненным может быть путь к пониманию на самом деле. Трудно не согласиться с тем, что „успешность коммуникации посредством языка зачастую предполагает обход, нежели принятие в расчет, того, что якобы предписывается так называемым кодом” [Лав 2004/2006: 122]. Можем ли мы, задается вопросом Н. Лав, определить область неязыковых мыслей или идей, которые кодируются языком?

Допустим, я наблюдаю сцену, которая позволяет мне сказать: „В огороде свинья”. Из многообразных неязыковых ментальных событий или процессов, участвующих в моем наблюдении этой сцены, какие именно репрезентируются, выражаются языковым высказыванием, либо соответствуют ему? Представляется совершенно очевидным, что существует бесконечное множество зрительно воспринимаемых ситуаций, о которых не без основания можно сказать: „В огороде свинья”; и, напротив, также существует бесконечное множество высказываний, которые будут уместными в рассматриваемой ситуации. Представляется, что высказывание, скорее, не столько кодирует нечто уже существующее в неязыковой форме, сколько принадлежит проявляющемуся через него своеобразному когнитивному измерению. Это подтверждается той трудностью, с которой мы сталкиваемся даже только пытаясь представить, в чем могло бы состоять определение не- или до-языковой идеи или мысли, кроме как в вербальной репрезентации. Высказывание „В огороде свинья” выражает мысль, что в огороде свинья. Но имеем ли мы здесь дело с двумя отдельными предметами – мыслью, что в огороде свинья, и высказыванием „В огороде свинья”? Конечно, можно молча артикулировать слова про себя, но мысль – это не просто молчаливое артикулирование [Лав 2004/2006: 125].

„Представляется, что высказывание ... принадлежит проявляющемуся через него своеобразному когнитивному измерению.” Это то измерение, которое Выготский полагал единицей анализа соотношения мышления и языка. Естественное усвоение языка – процесс холистический; дети научаются употреблять языковые конструкции уместным и продуктивным образом:

только становясь свидетелями событий в мире и пытаясь вычлнить коммуникативное намерение говорящего при его референции к этим событиям посредством определенной структуры, состоящей из языковых символов [Tomassello 2005: 192].

Как указывает Г. Кресс, при создании значения с помощью и посредством разного рода знаков люди действуют, руководствуясь своими текущими интересами, и используют в знакопорождении подручные средства [Kress 1997]. Иначе говоря, значения не даны заранее, они возникают в процессе когнитивного взаимодействия с окружающей (социальной) средой. Критикуя традиционный взгляд на коммуникацию, К. Гокер подчеркивает, что асимметрия между мышлением и языком делает невозможным употребление слов как средства выражения мысли [Gauker 2003]. Таким образом, вера в то, что язык это код, есть не что иное, как миф [Harris 1981].

Согласно Ж. Фоконье, в когнитивной лингвистике – в противоположность формальным подходам к языку – „язык служит конструированию и передаче значения, и для лингвиста и когнитивиста он открывает окно в сознание” [Fauconnier 1999: 96]. В то же время,

язык – это всего лишь верхушка величественного когнитивного айсберга, и когда мы включаемся в какой-либо вид языковой деятельности – будь то обыденная или художественно-созидательная – мы неосознанно обращаемся к обширным когнитивным ресурсам, вызываем бесчисленные модели и фреймы, устанавливаем множественные связи, организовываем большие массивы информации и участвуем в креативном отображении, переносе и расширении. Вот что такое язык, и вот для чего он предназначен [Fauconnier 1999: 96].

Не ставя под сомнение когнитивистский постулат о том, что язык „открывает окно в сознание”, данное Фоконье определение языковой функции, тем не менее, нельзя признать удовлетворительным. Во-первых, отбросив незначительные терминологические различия (например, между „мыслью” и „значением”), мы увидим, что оно существенно не отличается от определения языка как инструмента мышления и передачи мысли, данного Малиновским и восходящего еще к Локу [Locke 1961]. Во-вторых, мысль о том, что значения „передаются”, возвращает нас к эмпирически несостоятельной кодовой модели языка. Что характерно, Фоконье признает, что наша „народная” теория языка – а именно, вера в то, что значения содержатся непосредственно в словах и словосочетаниях – хотя и чрезвычайно полезная для человеческих организмов в повседневной жизни, оказывается неверной на уровне научного анализа, как и многие другие теории, порожденные обыденным сознанием. Веру в то, что значение заключено в языковых формах, Фоконье считает всеобщим заблуждением. Вместе с тем – и это следует из его описания языковой функции, приведенного выше, – значения находятся где-то в другом месте (по-видимому, в голове), вне языка, и тогда сам язык оказывается „где-то там”, а значения даны нам заранее (не те ли это самые „обширные когнитивные ресурсы”, к которым мы неосознанно „обращаемся”?). Это серьезное противоречие не исчезает с полаганием „инструментальной” функции языка („язык служит конструированию значения”), поскольку остается неясным, как язык участвует в конструировании значений, к которым мы обращаемся, используя этот самый язык. Это противоречие можно разрешить, обратившись к идеям Выготского, особенно учитывая веру Фоконье в необходимость обобщений:

В традиционной лингвистике и философии языка, [...] мы находим донаучное разделение составных частей и явлений, а также принятые методы сбора данных, которые препятствуют установлению важных связей и обобщений [Fauconnier 1999: 106].

К сожалению, Фоконье ограничивается лишь констатацией этого факта. Наконец, в третьих: ни Фоконье, ни Малиновский, как и большая армия

лингвистов, верящих в инструментальную функцию языка, не задаются вопросом, зачем людям нужно конструировать и передавать значения. Является ли это чем-то эпигенетически поверхностным, этакой „причудой”, по каким-то причинам до сих пор не получившей объяснения, хотя это и могли бы сделать, например, психологи, или же это что-то, к чему людей толкает их биологическая и социальная организация как живых систем? Таким образом, нужно поставить следующие вопросы: (1) Какова (биологическая) функция значения? и (2) Какова (био-социальная) функция коммуникации? Примечательно, что ни ортодоксальная лингвистика, ни когнитивная наука главного направления этими вопросами практически не озадачились.

3. Язык и/как среда

Как человеческие существа мы являемся тем, что мы есть, благодаря нашей погруженности в поток совместной деятельности с другими, или **коммуникацию** в широком смысле [Кравченко 2003]. Для вида *homo sapiens* уникальной характерной чертой такой деятельности является **языковое поведение** (или, попросту, язык), без и вне которого просто невозможно представить самое наше существование. Однако в философии языка прочно устоялась традиция рассматривать языковую деятельность как паразитирующую надстройку над аристотелевым понятием **праксиса**. Классическая теория рассматривает язык как находящийся „где-то там”, как инструмент, служащий улучшению человеческой практики, упуская из виду тот факт, что не может быть ни практики, ни теории вне и без языка. Другими словами, мы, люди, существуем – или, как говорит У. Матурана [Maturana 1978], **случаемся** – в языке, и без него не можем быть поняты.

Примечательно – хотя совсем не удивительно – что теория коммуникации сформировалась под мощнейшим влиянием исходного объективистского (т. е. ошибочного) взгляда на информацию как на внешний манипулируемый предмет, обладающий значением. В когнитивной науке третьей волны [Кравченко 2009] нет места информации как внешнему манипулируемому предмету по вполне очевидной причине: два разных организма (познающие субъекты, „наблюдатели”), будучи структурно детерминированными системами, могут „обрабатывать” только ту „информацию”, которая определяется структурой соответствующей каждому организму нервной системы [Kravchenko 2007]. История онтогенетического структурного сопряжения у каждого организма уникальна, и хотя то, что два (или более) познающих субъекта „обрабатывают”, и что мы обычно называем „информацией”, может порой казаться нам почти одним и тем же, особенно когда познающие субъекты действуют в консенсуальной области взаимодействий, оно никогда не будет одной и той же „объективной” вещью. Информация – это отнюдь не предмет, над которым мы можем проделывать различные операции по перемещению в пространстве, но

процесс уменьшения степени неопределенности при встраивании организма в среду. В случае языковой коммуникации эта неопределенность всегда присутствует как следствие структурной детерминированности общающихся организмов, влияющей на их языковое поведение. В частности, в биологической теории познания под информацией понимается деятельность ориентирующего характера, модифицирующая поведение ориентируемого организма [Maturana 1983]. Строго говоря, само слово „информация” является не предметным именем, а именем процесса. Но опредмечивание информации настолько глубоко вьелось в концептуализацию языковой коммуникации, что от построенной на ее основе кодовой модели не могут отказаться даже те лингвисты, которые, по существу, правильно понимают сам коммуникативный процесс – ср. следующее характерное определение:

человеческая коммуникация есть процесс взаимодействия двух и более языковых личностей с целью передачи/получения/обмена информацией, т. е. того, или иного воздействия на собеседника, необходимого для осуществления совместной деятельности [Красных 2003: 79].

Архетипичным примером такого опредмечивания является не что иное, как сам письменный язык (см. выше).

Но если слова **не** обладают значением в традиционном лингвистическом смысле, если значение, по предположению Й. Златева [2003/2006], есть отношение между организмом и его физической и культурной средой, определяемое ценностью аспектов среды для организма, и если то, что мы называем (физическими) словами естественного языка как раз и является такими аспектами среды среди многих других, тогда для каждого конкретного организма значения слов будут в значительной степени определяться средой этого организма (его когнитивной нишей), или, точнее, онтогенетической историей тонкого структурного сопряжения со средой. Но это еще не полная картина.

Именно потому, что организм и среда образуют не соединение, а **единство**, организм и мир находятся в отношении **взаимной каузальности** [Кравченко 2001]. Люди как познающие субъекты (в особенности, их языковое поведение) являются компонентами мира, с которым они взаимодействуют, и как таковые они тоже участвуют в этом отношении. В биологической теории познания функция языковой деятельности в том, чтобы ориентировать других (и себя) в консенсуальной области взаимодействий, в результате чего происходит их **встраивание** (**ин-формирование**) в среду. Ориентирование как способ приспособления осуществляется каждый раз в конкретной физической среде, поэтому естественно полагать, что аспекты физической среды будут влиять на языковое поведение – от фонологии до грамматики. Поскольку „все сказанное сказано наблюдателем другому наблюдателю”, то, что наблюдается разными наблюдателями в разных средах, по разному проявляется в языке (языках). По мнению К. Гокера, область дискурса зависит от того, что значимо для диалога

с точки зрения ситуации, в которой он протекает, так что те или иные аспекты среды определяют содержание этой области [Gauker 2003]. По Гокеру, понимание со стороны слушающего включает значение, выведенное им как из высказываний говорящего (что, напомним, отнюдь не идентично „вложенному” говорящим значению), **так и** из реальных условий среды. Физическая среда обитания, по крайней мере частично, ответственна за язык, на котором говорят люди. В качестве примера можно указать на ту важную роль, которую играют сложные системы индикаторов для вертикального измерения в языках горских народов [Lawrence 1972; Гунаев 1977] и для горизонтальных измерений в языках жителей равнин [D. and K. Henry 1969; Шерер 1979], или разные степени вокализма в русских говорах на равнинах европейской части и, скажем, в Сибири.

Вместо того, чтобы рассматривать коммуникацию как средство обмена информацией, нужно взглянуть на нее как на процесс, в ходе которого говорящие **управляют** тем, что происходит в головах слушателей [Öim 1977] и в их когнитивной нише, как средство оказания влияния и координирования разных точек зрения [Verhagen 2005]. Языковые знаки – это „средства координации в совместной деятельности” [Clark 1996; см. тж: Рудяков 2004]; следовательно, как подчеркивает Р. Милликан, „чтобы понять, как работает язык, нужно обратиться, прежде всего, к кооперативным функциям, осуществляемым различными языковыми формами” [Millikan 2005: 53]. Такой взгляд уходит от укоренившейся веры в „денотативный” характер языка, в то, что слова обозначают „людей, вещи, места, свойства, процессы и действия внешние по отношению к языковой системе” [Lyons 1977: 207]. Если подходить к языку как высшему проявлению человеческой практики, можно согласиться с тем, что он не основан на теоретическом знании, равно как и не определяется жесткими, объективными нормами [Oleksy 2002]. Но именно этот довольно тривиальный эпистемологический посыл ортодоксальная лингвистика отказывается принять, продолжая упорно противопоставлять речь и язык, язык и мышление, сознание языковое неязыковому и т. д.

Но лингвисты еще больше усугубили ситуацию, вызванную отождествлением письменного и разговорного языка, институционализовав специальные системы обозначений в так называемом „лингвистическом анализе”. В своей замечательной статье *Анализ и система обозначений: дело о нереалистичной лингвистике*, К. Хаттон [Hutton 1993] анализирует то, как концептуализируются отношения между лингвистическими системами обозначений и их аналогами в „реальном мире” в контексте поисков реалистичной философии языка. Взяв в качестве примера генеративную лингвистику как „доказанно гипотетико-дедуктивную и, следовательно, использующую эвристический подход к обозначению и анализу”, Хаттон убедительно показывает, как реализм Хомского привел, на деле, к „эвристическому фокусу-покусу”, когда различие между системой обозначений и анализом поддерживается исключительно обращением к пока еще не полученным доказательствам из нейрофизиологии. Положение дел таково, что:

лингвисты проповедуют различные суррогатные теории анализа, будучи при этом не в состоянии доказать превосходство одной школы или методологии над другой – что само по себе уже есть признание собственной несостоятельности, если не сказать большего [Hutton 1993: 177].

Влияние систем обозначений, принятых в дескриптивном анализе, на то, как, в конечном итоге, видится язык – обстоятельство, которое необходимо брать в расчет, если мы не хотим впасть в грех объективации, когда принятая система обозначений с ее „объективными” свойствами начинает восприниматься как ее аналог в реальном мире.

4. Заключение

Международное лингвистическое сообщество во многом традиционно, и хотя традиция представляет собой социально одобренную принятую историческую форму практики, способствующей сохранению вида и его выживанию, сама эта практика, изменяясь с течением времени, приходит во все возрастающее противоречие с устоявшейся традицией. Приверженность языковому мифу, кодовой модели языка и коммуникации – дань сильнейшей традиции в изучении языка, сложившейся, в частности, под влиянием аналитической философии. Эта философия рассматривала язык как нечто автономное, существующее в объективном мире вне человека, как некий инструмент, используемый людьми для достижения своих целей – с той только разницей, что, в отличие от других инструментов и орудий, язык используется для проделывания операций с нематериальными сущностями, такими, как мысли, идеи и т. п. Однако такой объективистский взгляд не способствовал сколь-нибудь заметному прогрессу в изучении языка, и какими бы „достижениями” ни хвасталась ортодоксальная лингвистическая наука, ее влияние на человеческую практику в широком смысле слова продолжает оставаться ничтожным. Очевидно, что классическая традиция в воззрениях на язык и его функцию далека от понимания чего-то очень важного для того мира, который мы называем „реальностью” – опять же, по давно устоявшейся традиции.

Настала пора пересмотреть традиции, которыми живет лингвистическое сообщество, поскольку эти традиции превратились в вериги, не позволяющие науке о языке двигаться вперед. Это не означает, что нужно забыть все то, что накоплено языкознанием за долгую историю его существования как самостоятельной области научного знания. Речь идет о том, чтобы постараться обнаружить главную причину сложившейся ситуации, а для этого нужно посмотреть на нее свежим взглядом, оставив в стороне устоявшиеся традиции и навязываемое ими воспроизводство сомнительных истин о языке как инструменте для передачи закодированной информации. Традиционное понимание и истолкование процесса коммуникации как обмена информацией, осуществляемого по каналу связи – дань устоявшимся стереотипам в научном

мышлении. Переосмысление сути коммуникации, более адекватное понимание коммуникативных процессов как био-социо-культурно мотивированных ориентирующих взаимодействий в когнитивной области – настоятельная необходимость, диктуемая потребностями современной науки и общества.

Библиография

- Выготский Л.С. (1962/2000). *Психология*. Москва, ЭКСМО-Пресс („Мышление и речь”, с. 262–509).
- Гунаев З.С. (1977). *О выражении пространственных отношений в некоторых дагестанских языках*. Вопросы языкознания 6, с. 126–129.
- Звегинцев В.А. (1996). *Мысли о лингвистике*. Москва, Издательство Московского университета.
- Златев Й. (2006). *Значение = жизнь (+ культура): Набросок единой биокультурной теории значения*. В: А.В. Кравченко (ред.). *Язык и познание*. Studia linguistica cognitiva. Москва, Гнозис, с. 308–361.
- Кравченко А.В. (2003). *Что такое коммуникация?* В: В.В. Дементьев (ред.). *Прямая и непрямая коммуникация*. Саратов, Колледж, с. 27–39.
- Кравченко А.В. (2006). *Методологический порок ортодоксального языкознания*. В: М.В. Пименова (ред.). *Новое в когнитивной лингвистике*. Кемерово, с. 41–47.
- Кравченко А.В. (2009). *О традициях, языкознании и когнитивном подходе*. В: *Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство*. Москва, Языки славянских культур, с. 51–65.
- Красных В.В. (2003). *„Свой” среди „чужих”: миф или реальность?* Москва, Гнозис.
- Лав Н. (2006). *Когниция и языковой миф*. В: А.В. Кравченко (ред.). *Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы*. Studia linguistica cognitiva 1. Москва, Гнозис, с. 105–134.
- Рудяков А.Н. (2004). *Язык, или почему люди говорят*. Киев, Грамота.
- Шерер В.Э. (1979). *О выражении пространственных отношений в кетском языке*. Вопросы языкознания 5, с. 103–108.
- Aitchison, J. (1987). *Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon*. Oxford/UK, Cambridge/USA, Blackwell.
- Clark, H.H. (1996). *Using Language*. Cambridge University Press.
- Fauconnier, G. (1999). *Methods and Generalizations*. In: T. Janssen, G. Redeker (eds.). *Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 95–127.
- Finnegan, R. (2002). *Communicating: The Multiple Modes of Human Interconnection*. London, Routledge.
- Gauker, C. (2003). *Words without Meaning*. Cambridge/MA, The MIT Press.
- Glaserfeld, E. von (2001). *Constructing Communication*. Available [online] <<http://www.univie.ac.at/constructivism/~glaserfeld01-interview.html>>, retrieved on 13th January 2010.
- Grice, H.P. (1989). *Studies in the Way of Words*. Cambridge/MA, Harvard University Press.
- Harris, R. (1981). *The Language Myth*. London, Duckworth.
- Henry, D., Henry, K. (1969). *Koyukon Locational*. Anthropological Linguistics 11(4), 136–142.
- Hutton, C. (1993). *Analysis and Notation: The Case for a Non-realist Linguistics*. In: R. Harré, R. Harris (eds.). *Linguistics and Philosophy: The Controversial Interface*. Pergamon Press, 241–251.

- Kravchenko, A.V. (2007). *Whence the Autonomy? A Reply to Harnad and Dror*. *Pragmatics & Cognition* 15(3), 587–597.
- Kress, G. (1997). *Before Writing: Rethinking the Paths to Literacy*. London, Routledge.
- Lawrence, H. (1972). *Viewpoint and Location in Oksapmin*. *Anthropological Linguistics* 14(8), 311–316.
- Locke, J. (1961). *An Essay Concerning Human Understanding*. London, Dent.
- Lyons, J. (1977). *Semantics*. Vol. 1. Cambridge, Cambridge University Press.
- Malinowski, B. (1927). *The Problem of Meaning in Primitive Languages*. In: C.K. Ogden, I.A. Richards. *The Meaning of „Meaning”*. 2nd revised edition. New York, Harcourt, Brace & Company, 296–336.
- Maturana, H. (1978). *Biology of Language: The Epistemology of Reality*. In: G. Miller, E. Lenneberg (eds.). *Psychology and Biology of Language and Thought*. New York, Academic Press, 28–62.
- Maturana, H. (1983). *On the Misuse of the Notion of Information in Biology*. *Journal of Social and Biological Structures* 6, 155–158.
- Millikan, R.G. (2005). *Language: A biological Model*. Oxford, Clarendon Press.
- Oleksy, M. (2002). *Cognition, Language, and Praxis: Is Cognitive Linguistics on the Verge of the Practical Turn?* In: B. Lewandowska-Tomaszczyk, K. Turewicz (eds.). *Cognitive Linguistics Today*. Frankfurt a.Main, Peter Lang, 55–64.
- Öim, H. (1977). *Towards a Theory of Linguistic Pragmatics*. *Journal of Pragmatics* 1(3), 251–267.
- Pateman, T. (1987). *Language in Mind and Language in Society: Studies in Linguistic Reproduction*. Oxford, Clarendon Press.
- Pinker, S. (1999). *Words and Rules: The Ingredients of Language*. Basic Books.
- Reddy, M. (1979). *The Conduit Metaphor*. In: A. Ortony (ed.). *Metaphor and Thought*. Cambridge, Cambridge University Press, 284–324.
- Ross, D., Spurrett, D. (2004). *What to Say to a Sceptical Metaphysician: A Defence Manual for Cognitive and Behavioural Scientists*. *Behavioral and Brain Sciences* 27, 603–647.
- Schiffirin, D. (1994). *Approaches to Discourse*. Oxford etc., Blackwell.
- Sinha, C. (1999). *Grounding, Mapping, and Acts of Meaning*. In: T. Janssen, G. Redeker (eds.). *Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 223–255.
- Sperber, D. (1995). *How do We Communicate?* In: J. Brockman, K. Matson (eds.). *How Things Are: A Science Toolkit for the Mind*. New York, Morrow, 191–199.
- Tomasello, M. (2005). *Beyond Formalities: The Case of Language Acquisition*. *The Linguistic Review* 22, 183–197.
- Verhagen, A. (2005). *Construction of Intersubjectivity: Discourse, Syntax, and Cognition*. Oxford University Press.
- Wilson, D. (1994). In: G. Brown, K. Malmkjaer, A. Pollitt, J. Williams (eds.). *Language and Understanding*. Oxford, Oxford University Press, 35–58.
- Wilson, D. (1998). *Linguistic Structure and Inferential Communication. Proceedings of the 16th International Congress of Linguists, July 1997*. Oxford, Elsevier.
- Wierzbicka, A. (1996). *Semantics: Primes and Universals*. Oxford, New York, Oxford University Press.

Summary**The Problem of Meaning and Communication in Linguistics
and the Roots of its Misunderstanding**

Arguments are given for a necessity to abandon the code model and “container” metaphor in the study of linguistic meaning and communication; as they do not take into account the true nature of meaning and communication, these methodological premises of conventional linguistics are empirically inadequate and impede its further development.